

«ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ У МЕНЯ, — МОЙ ЯЗЫК»

В преддверии 120-летия со дня рождения Владимира Набокова редакция предложила известным поэтам, писателям, филологам ответить на несколько вопросов, связанных с жизнью и творчеством выдающегося автора XX века.

1. В. Набоков долгое время был в СССР писателем подпольным, читавшимся многими, потом, в перестроечные годы, приобрел славу эстетического гуру. Каково, с Вашей точки зрения, его место в русской литературе XX века, если посмотреть на его творчество без гнева и пристрастия, поверх барьеров?

2. Назовите три лучших, с Вашей точки зрения, произведения Набокова — без учета жанра и языка.

3. Набоков известен прежде всего как прозаик. Насколько Вам известны и интересны другие его творческие ипостаси: лирика, драматургия, критические статьи и лекции о литературе?

4. Набоков скептически относился к литературе «больших идей» (Толстой, Достоевский, «Доктор Живаго» Б. Пастернака) и вообще к «метафизике» в искусстве. В то же время в лекциях о литературе он утверждает, что «женитьба Левина основана на метафизическом, а не физическом представлении о любви, на готовности к самопожертвованию, на взаимном уважении. Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен». Что в этом, на Ваш взгляд, верного и ошибочного?

5. В одной из статей Набоков утверждал, что у князя Мышкина отыскался внук в советской литературе — это герой Зощенко: «тип бодрого дебила, живущего на задворках полицейского тоталитарного государства, где слабоумие стало последним прибежищем человека». В его лекции Россия названа «страной моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил». Насколько глубоким изучением предмета, по Вашему мнению, было порождены подобные суждения? Из каких источников писатель черпал знания об СССР?

6. Еще одно строгое суждение Набокова: «лучшие произведения современной русской литературы созданы писателями-эмигрантами». Насколько оно убедительно сегодня? Как выглядят в нынешней картине истории литературы XX века отношения официальной советской литературы и андеграунда, советской и эмигрантской литературы.

Андрей Арьев, литературовед (Санкт-Петербург)

1. Только Набокова нам и не хватало — и в прямом, и в переносном смысле этого выражения.

2. «Дар», «Весна в Фиальте», «Приглашение на казнь».

3. Интересны — лекции о литературе.

4. Роман «Анна Каренина» вообще написан, по-моему, против любви. Если иметь в виду хоть брак, хоть адюльтер. Если же в любви видеть «метафизику», то Левин окутывает ее в метафизический плащ, не более того. Не думаю, что «любовь в плаще» — венец человеческих стремлений. Анна о Левине, должно быть, только посетовала, мол, «нет рассказчиков для жен в порочных длинных платьях».

5. По-моему, никакие «предметы», кроме «бабочек» и «потустороннего», Набоковым не изучались. Читал он, это да, все. Но в собственных художественных целях, а не для познания как такового. При тонком обращении с оттенками слов, нужно понимать: «страна моральных уродов» не означает, что, по Набокову, население этой страны состоит из «моральных уродов» и т. п.

6. С Набоковым можно согласиться только в том смысле, что лучшее создано в состоянии «внутренней», не менее существенной, чем «внешняя», эмиграции: «Котлован», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Колымские рассказы», «Хранитель древностей», «Архипелаг ГУЛАГ» и т. д. «Жизнь Арсеньева», «Лолита», «Ночные дороги» и т. д. — хорошее к ним дополнение. Никто никого не лучше. Но и не хуже. Хотя проза русского рассеяния в отношении шедевров, пожалуй, количественно метрополии уступает. Что касается «андеграунда», то он уже давно «советскую литературу» успешно потеснил, а затем и сам «вкусих немало меду».

Борис Барфельд, писатель (Калининград)

1. Безусловно, Набоков занимает очень значимое место в русской литературе XX века. Это связано не только с качеством его романов и рассказов, его изысканным литературным стилем, но и с тем, что он сам и его тексты вошли в культурно-исторический контекст века.

2. «Лолита», «Дар», «Приглашение на казнь».

3. Мне известны его статьи и лекции, его стихи, но значимость его прозы существенно важнее.

4. Каждый творец волен иметь свой взгляд на эти проблемы. Я считаю важным для романов «большие идеи», и без метафизики не обойтись. А разве в его текстах нет метафизики? Странно, всегда ее ощущал.

5. Кроме того, что Советы были Набокову ненавистны (и для этого у него было достаточно фактов), надо учесть, что речь идет о его публичных лекциях, где ценятся острота, эмоциональность, образность.

6. Мне кажется, что пришла пора прекратить деление русской литературы на созданную на Родине и в эмиграции. Меня всегда смущали многочисленные конференции, посвященные строго литературе эмиграции. Это ущемлено. Проза Набокова для меня — это проза великого русского писателя, а не писателя-эмигранта. Естественно, что масштаб и объем произведений, созданный на Родине, больше, чем в эмиграции. Но это совсем не связано с талантом и мастерством писателей, оказавшихся в эмиграции.

Олег Глушкин, писатель (Калининград)

1. Высокое место Набокова в литературе для меня очевидно, это мастер, без которого невозможно представить не только русскую, но и мировую литературу.

2. «Машенька», «Защита Лужина», «Лолита».

3. Достижения в прозе не идут в сравнение с другими его творческими ипостасями.

4. Не могу согласиться с Набоковым, он жил в своем мире, созданным им, сотканным из тоски и воспоминаний, требовать от него широты Толстого и Достоевского не стоит.

5. В нем сильны были обида и ненависть к тем, кто лишил его Родины. Дело даже не в источниках — эмигрантских изданиях. У него были свое мировоззрение и свой опыт.

6. Не хочется делить русскую литературу на эмигрантскую и советскую. Так же дороги нам и близки и Набоков, и Бунин, и Газданов, как в не меньшей мере Булгаков, Платонов, Шаламов и Гроссман. И к кому отнести Солженицына? Владимова? Это только в прозе. У поэтов еще труднее провести границу. Сегодня грани стираются.

Денис Драгунский, писатель (Москва)

1. Набоков — изощренный мастер языка, Платонов наизнанку (или наоборот, Платонов — это Набоков, поставленный с ног на голову). Разница в том, что Платонов почти всегда оригинален в стиле, а Набоков — эпигон линии «Тургенев—Бунин». Жадным вниманием к выписыванию деталей Набоков очень похож на Бунина в «Жизни Арсеньева» и — если сравнить с живописью — на малых голландцев, которые изображали изысканную жизнь кавалеров и их камердинеров, дам и их служанок.

В повести Набокова «Подвиг» описание, как насморочная дамочка чистит картошку, поразительно по живописности, фактурности и какой-то переизбыточной самодостаточности. Это, что называется, «карта страны размером в страну». Мне как читателю здесь уже нечего делать. Разве только убедиться, что я умею складывать буквы. Один злой человек сказал: «Бунин описывает черные тени на снегу лучше Тургенева, а какой-нибудь бунинский эпигон опишет поцелуй крестьянки на морозе лучше Бунина; ну а дальше-то что?» Тот факт, что переводчик с английского на русский «Пнина» и «Ады» Сергей Ильин (1947—2017) оказался конгениален Набокову, а кое в чем и превзошел его — лишнее подтверждение эпигонско-ремесленнического характера стиля Набокова. Но я говорю лишь о стиле, а не об идеях, прошу заметить!

2. С моей точки зрения, это «Дар», «Подвиг» и «Лолита».

3. Лирика не интересна совсем, драматургия тоже. А вот статьи и лекции о литературе, с моей точки зрения, прекрасны. Они насыщены фактами, философичны, дают массу поводов для размышления даже в случае несогласия с ними.

4. Это явно пародийный скепсис. Ибо сам Набоков (а он был человеком огромного ума, что следует и из его романов, и из его литературоведческих статей) — не мог не понимать, что его тексты сильны именно метафизической стороной — как говорили в старину, «идейным содержанием». Трудно найти в русской литературе роман, более нагруженный социальными идеями, философскими размышлениями и литературными аллюзиями, чем набоковский «Дар». Чрезвычайно философична «Лолита», которую только плоский цензор может понять как педофильское сочинение — это грандиозная метафора встречи Старого и Нового Света, Европы и Америки, и вообще Отцов и Детей.

5. Насчет «внука князя Мышкина» — это, конечно, слишком сильное утверждение, основанное исключительно на семантике слова «идиот». Возникает опасливая мысль: а читал ли Набоков этот роман Достоевского или рассуждает, как тот приснопамятный экскаваторщик, который Пастернака не читал, но хочет высказаться? Если уж говорить о внуках героев Достоевского у Зощенко — то их деды, на мой взгляд, персонажи «Скверного анекдота» и «Крокодила», это отчасти Макар Девушкин, отчасти господин Прохарчин и, конечно, мелкие бесенята вроде Липутина из «Бесов». Но уж никак не князь Мышкин, которого трудно назвать «бодрым дебилом».

Что касается жизни в СССР, то Набоков, как и большинство эмигрантов, обладал сильно искаженной картиной жизни на бывшей родине. Наверное, он читал газеты и смотрел кинохронику (что-то такое есть в его публицистике). Но, как тот же Бунин, высказывался патетически, но нереалистично (в набоковских словах о советских лю-

дях просвечивает бунинская лексика выступлений 1920-х). Одно дело — всей душой ненавидеть большевиков, а совершенно другое — знать и понимать, как на самом деле живет огромная страна под большевиками.

6. Возможно, Набоков отчасти прав. Во всяком случае, средний уровень русского писателя-эмигранта в его время был не ниже среднего совпосовского уровня. А если сравнивать Алданова со Шпановым, Берберову с Коптяевой, Одоевцеву с Инбер, а Яновского с Бабаевским — то даже выше. Но возможно ли сопоставлять Бунина и Бабеля, Шмелева и Пришвина, Набокова и Платонова, Цветаеву и Ахматову? Так что более справедливым мне кажется вот какое суждение: русская «советская», русская «самиздатская» и русская «эмигрантская» литература — это три разные литературы, написанные на одном и том же языке. Как литература английская, американская и, к примеру, австралийская.

Владимир Елистратов, культуролог, писатель (Москва)

1. «Поверх барьеров» — трудно. Потому что Набоков слишком неоднозначен, специфичен. Он не укладывается на привычные литературные полочки. Думаю, главное, что осталось от Набокова, — это его язык. Его, как говорят, лингвисты, идиостиль — один из ведущих «трендов» русской литературы XX века. Невозможно писать, скажем, «под Трифонова»: это бессмысленно. То же: «под Гроссмана», «под Симонова», «под Осоргина» и т. п. А вот под Набокова писали и пишут сотни и сотни писателей. Иногда — убивая свою стилистическую индивидуальность. Аналогично: можно писать «под Булгакова», «под Платонова», «под Бродского». Мне лично стиль Набокова совсем не близок. Он парадоксален, но это — не мой психотип. Часто говорят, что Набоков «холодный», «эстет» и т. д. Может быть. Но здесь, кажется, все сложнее. В его художественном мире есть что-то то ли от анатомического театра, то ли от зоологического музея (не случайно же он так энергично «пластал» бабочек), то ли от музея восковых фигур. У Набокова, говоря «по-античному», Эрос и Танатос настолько срослись, что они уже трудноразличимы.

2. Не могу назвать именно три лучших. Они все как один большой роман (все от более душевной «Машеньки» до жесткого «Дара»). Мне категорически не нравится «Лолита» не по причине «аморальности» романа. Просто мне не нравится, как Набоков перевел себя с английского на русский. Английский вариант я не читал, а русский — не нравится.

3. У него есть прекрасные стихи. К его драматургии я равнодушен. Рассуждения Набокова о литературе изящны, остроумны, парадоксальны и т. п. Но он все-таки своего рода метафизический сноб, онтологический денди, «пижон», к тому же в нем море нарциссизма, утонченно-остроумного презрения ко многому в жизни. Он умеет красиво, изысканно презирать. Если бы Набоков жил сейчас, он стал бы, скорее всего, чем-то вроде Владимира Сорокина, перейдя какую-то невидимую черту, где уже нет Эроса, а есть один только Танатос, изредка мимикрирующий под Эрос.

4. Насчет Левина и Анны с Вронским отчасти согласен. Хотя, конечно, все эти «физики»-«метафизики» — слишком туманная материя. Мне, например, всегда очень нравился Левин, потому что просто хороший человек, и категорически не нравилась Анна, которая тоже в целом неплохая, но избалованная баба. Мало того, я всегда очень сочувствовал несимпатичному Каренину. А Вронский — просто животное, и все. Ноу комментс. А относительно нелюбви Набокова к литературе «больших идей» думаю так: Набоков, разумеется, тонкий аналитик и прочее, но в конечном счете его оцен-

ки основаны не на рациональном анализе, а на «психосоматике». Ему нравится то, что буквально физиологически близко. Ясно, что с Достоевским они радикально несовместимы, а с Борхесом и Джойсом вполне совместимы.

5. Мне представляется, что в самом Набокове было что-то глубоко шизофреническое, скажем мягче, шизоидное. Одна из черт шизоидного типа — стремление непременно иметь свое, сугубо оригинальное, парадоксальное мнение обо всем на свете. Отсюда сотни очень художественно ярких, необычных, «экзотических» оценок тех или иных писателей и их текстов, вообще явлений жизни. А самая презируемая шизоидом зона — та, где нет ничего шизоидного. Где все более-менее ясно, просто, незатейливо, «мещанско-плоско». Кстати, слово «дебил» — одно из очень частотных и в современном либеральном дискурсе так называемого креативного класса. Набоков тоже любил это словечко. Я не знаю, из каких именно источников черпал писатель сведения об СССР, но насколько я помню (читал Набокова я запоем давно, лет двадцать пять-тридцать назад, когда его открыли в этом самом СССР), то, что им было сказано о нашей стране, сплошь злоба и презрение. А шизоиды очень упрямы в своих оценках, переубедить их невозможно, к тому же прощать они тоже не умеют, а СССР для Набокова — личный, кровный враг, «кровник». К тому же абсолютный, опять же метафизический антипод. Шизоиды видят только то, что они хотят видеть. Значит, СССР — это исключительно «тоталитаризм», «моральные уроды», «рабство» и прочий стандартный набор пропагандистских клише-инвектив. А то, что там написаны рассказы Шукшина, «Белый Бим...», «А зори здесь тихие» и т. д. — это не считается. Это исключение, подтверждающее «правило», и, соответственно, не укладывается в шизоидную схему Набокова.

6. Абсолютно тенденциозно ангажированное высказывание. Русская эмигрантская литература дала много прекрасных произведений. Но неэмигрантская — в десятки раз больше. Просто потому что и писателей «хороших и разных» было в СССР на порядок больше. Да и совершенно неважно, где человек писал, важно, что и как писал. Мне совсем не нравится деление русской словесности на «официальную» и «неофициальную», «советскую» и «антисоветскую», «эмигрантскую» и «аборигенскую» и т. д. Одиознейший «советский абориген» Сергей Михалков оставил помимо официального барахла великолепные детские стихи. Протестный неофициальный андеграунд, диссидентская и эмигрантская литература изобилует помимо всего прекрасного «прочего» беспомощнейшими и при этом раскрученными «литартефактами». К тому же и шкала «лучший-худший» по отношению к настоящей литературе всегда абсолютно необъективна. Все это — на уровне «Некрасов выше Пушкина» или как у Войновича в «Шапке»: Бродскому даем шапку из бобра, а Пикулю из kota. В конце концов: то, что Набоков «вещал», походя раздавая оценки о литературе, во многом просто пиар. Важно то, что он оставил как писатель. А оставил он целый шлейф самородного стиля, который (шлейф) будет тянуться в русской литературе еще не одно десятилетие.

Вера Зубарева, поэт, доктор филологии (США)

1—6. Набоков принадлежит к числу немногих авторов, к которым я не могу подойти «без гнева и пристрастия». Он никогда не был под моим литературоведческим прицелом, но я всегда была под его писательским. Его проза имеет для меня вкус запретного плода. И неважно, что все уже давно не под запретом, что Набоков открыт, осужден, отмечен и отправлен на полку. Его по-прежнему нельзя вкушать, не став грешным, кающимся и смертным. Глагол «вкушать» здесь наиболее уместен, так как Набокова невозможно читать залпом. «Жена пианиста, полуоткрыв рот и часто мигая, готовилась перевернуть страницу — и вот перевернула...» Это я жена того пианиста, это я слушаю

набоковскую музыку, полукоткрыв рот, не в силах перевернуть страницу, на которой «черный лес поднимающихся нот, скат, провал, отдельная группа летающих на трапециях» («Музыка»). Искривляется пространство, замедляется время, на земле проходят столетия, а может, там уже вообще никого не стало, после того, как открылось такое...

Каждый момент анализа его деталей требует их немедленного синтеза. Без синтеза нет Набокова. Можно сколь угодно беспристрастно писать о его манере, стиле и т. п., но если это не будет поддержано синтезом на новом витке, то все рассыплется, распадется на части механизма. Набоков непостижим. Образная насыщенность каждого микрона его произведений не разрешается в устойчивое трезвучие концовки. В конце читателя всегда ждет течение, которое уносит от желаемого берега. И думаешь: «Что это было?». И тебе отвечает набоковский герой: «Все что угодно... „Молитва девы“ или „Крейцеровна соната“, — все что угодно» («Музыка»).

Что я больше всего люблю из написанного им? Ничего. Я вообще не люблю его. Я люблю Пушкина, Толстого, Чехова, а Набоковым я болею. Для меня чтение Набокова — это приглашение на казнь. Именно так.

Что же касается его скепсиса относительно «больших идей» в литературе, то соглашусь с ним: идейность губит живое, делая произведение иллюстративным, а жизнь — выхолощенной. Только не следует путать идейность с концептуальностью. Первое дистиллирует художника, второе наполняет его. Назидательное «Воскресение» Толстого — не мое любимое произведение именно в силу вышесказанного. То ли дело «Война и мир».

Идейные высказывания Набокова, слава богу, не отразились на его произведениях. Это были выпады против СССР, против вмешательства политики в творчество — тенденции, которые он отслеживает с начала XIX века.

Претензии, сентенции, теории, которые они пытались навязать, имели точно такое же отношение к искусству, как и традиционная политика власти. От писателя требовали социальных идей, а не какого-нибудь вздора, книга же, с их точки зрения, была хороша только в том случае, если могла принести практическую пользу народу. Их горячность привела к трагическим последствиям. Искренно, дерзко и смело защищали они свободу и равенство, но противоречили своей собственной вере, желая подчинить искусство современной политике.

Разделение искусства и политики — это и кредо Солженицына. В своей нобелевской речи Солженицын заявил: «Работа художника не укладывается в убогой политической плоскости, как и вся наша жизнь в ней не лежит». Это было сказано в ту пору, когда Солженицын воспринимался сквозь призму диссидентства. В отличие от Набокова, Солженицын не строил иллюзий по поводу невмешательства американских политиков в творчество писателя и отказался от встречи в Белом доме с советскими диссидентами.

Эта позиция стоила Солженицыну многого. От него отвернулись и либералы, и консерваторы, и все те, кто поставил на него, чтобы разыграть политическую карту.

Набоков-литературовед мне малоинтересен. Разумеется, все гораздо сложнее с Левиным и Анной, но грубо говоря, да, конечно же, влечение было первоначальным толчком Анны, а духовность — движущим рычагом Левина. Только этим картина не исчерпывается. Что же до набоковской концепции влечения, то у него она имеет ярко выраженную губительную направленность, достигающую апогея в «Лолите».

Его суждения о ведущей роли писателей-эмигрантов не могут являться предметом серьезного обсуждения. Да, был Бунин, был Солженицын и другие известные литераторы, но если под ведущей ролью понимать влияние на литературный процесс в России, то не ими он определялся. Кто действительно кардинально повлиял на поэтический строй русской поэзии, был Бродский. Но это — единичный случай яркого воздействия писателя-эмигранта на литературный процесс.

Набокова я ценю не за его критические статьи. А вот в пространстве художественного текста он уникален. Большой ошибкой было бы уподобиться ему и судить о его вкладе так же, как он судил о вкладе российских писателей в русскую и мировую литературу. И что бы он ни говорил о «стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил», он все же признавал, что сердце его «разговаривает по-русски». Возможно, это объясняет, почему о губительных для России факторах он писал в сердцах, часто перегибая палку.

**Вера Калмыкова,
критик, искусствовед (Москва)**

1. Его место в ряду прозаиков в соответствии с хронологией. Рядом с Кржижановским, Платоновым, то есть авторами, ставящими эстетический эксперимент. Тут есть проблема. Как строить литературный процесс в России XX века: с точки зрения писателей, создававших свои произведения тогда-то, или читателей, получивших их сочинения куда как не вовремя? Думаю, все же первый путь предпочтительнее, потому что человек, живущий во времени, носит его в себе где-то параллельно скелету.

2. «Дар». «Облако, озеро, башня». Третье место занимают два стихотворения: «К России» («Отвяжись, я тебя умоляю!») и «Люби лишь то, что редкостно и мнимо...» (но оно из «Дара»).

3. Всего понемножку. Прочитав «Дар», я... как бы сказать... однажды и навсегда насытилась этим автором. И мне не понадобились уже ни «Лолита», ни «Защита Лужина»... не влезли. А лекции, по мне, так просто скучные, кроме пушкинской.

4. Проблема тут в том, что слово «метафизика» можно понимать по-разному. Метафизика в прямом значении — то, что сверх физики. Давайте не думать про кванты и про то, что на самом деле вообще все, что мы можем воспринять и помыслить, есть физика. Договоримся: имеется в виду то, что мы можем ощутить грубыми органами пяти чувств. Так вот, «большие идеи» — это всегда очень страшно, потому что они подразумевают подтверждение или опровержение только большими человеческими массами. А это, как правило, очень много мертвых людей. Метафизика женитьбы Левина — совсем другое: Набоков в любви понимал. Проблема Анны Карениной только в том, что Толстой ее не любил. Тоже, между прочим, метафизика — у нее же не было даже физики, ведь она всего-то образ, сотканный из слов! А Толстой прямо воплотил ее своей ненавистью.

5. Я понимаю, откуда у Набокова такой пафос. Помните его бабочек? Слова и бабочки — эфемериды, чистая красота! СССР, да простят меня его апологеты, был чудовищно некрасив. Тяжеловесен. Однозначен. Сам факт его существования должен был до крайности возмущать такого эстета, как Набоков. «Эстетическое несогласие» — вот в чем дело. Красивое не может принять некрасивое, даже если заполняют один и тот же объем.

6. Вот не знаю, написана ли уже единая история русской литературы вне зависимости от, во-первых, страны создания, во-вторых, времени публикации. Этот труд, боюсь, может состояться только через поколение, а то и пару. Потому что нужен отстраненный взгляд, а мы ведь сами еще советские. Помимо физических эмигрантов, были ведь еще эмигранты внутренние. Мы ведь не можем договориться, в каких отношениях сама с собой находилась советская литература! Как писать: «советский писатель» или «писатель советского времени»? С другой стороны, Михаил Гаспаров убедительно показал, что поздний Осип Мандельштам, отовсюду изгнанный, опальный, уже почти убитый, непубликуемый — советский поэт. И с этим ничего не поделать,

нравится нам или нет. А Андрей Синявский с Андреем Меньшутиным написали совершенно несоветскую книжку о поэзии первых пореволюционных десятилетий и издали ее... когда? В 1964 году! Эмигрант Солженицын — писатель советский до мозга костей. А сколько сейчас советских авторов? А сколько тогда было несоветских?.. Водораздел проходит, мне кажется, вот по какой линии: если ты превыше всего ставишь человеческую свободу и любовь — ты не советский. Если ты готов твердой рукой вести окружающих в светлое, пусть и антисоветское, будущее, объявляя себя его пророком, — ты, как говорилось в одном фильме, «совок, совок, красный совок». Но писать о свободе люди несвободные не должны: это не их предмет.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Владимир Набоков — настоящий художник. Как любой свободный художник, он делал на земле то, к чему чувствовал себя призванным. И делал это со всею мерой культуры, что была ему и врождена, и впитана им, вобрана — из всей совокупности культур: русской и мировой.

Набокова часто сравнивают с Иваном Буниным, вольно или невольно противопоставляя его Бунину. Мол, Бунин — теплый, горячий, страстный, прекрасный именно своим чувством жизни, чувственным началом, терпким смешением великой печали степей, среди которых он был рожден, религиозности, Эроса, невероятного — всегда острого — ощущения трагизма жизни, ухода с милой Земли. А Набоков вроде как его антагонист: холодный, блестящий, бесстрашный, надменный, точный, четкий, умный и умозрительный, а порой и безжалостный, а порою даже и безбожный (ну, весь XX век прошел ведь под знаком Ницше, который возвестил, что Бог умер, — и на эту провокацию поддался Горький, — потом пришел Ролан Барт и возвестил, что автор умер, — теперь, видимо, придется ждать смерти человека, человечества как цивилизации). И вот это противопоставление двух мастеров уже стало некоей традицией.

Я не считаю, что Набоков холоден. Достаточно с головою окунуться в его стихи. Умен — это да. Всякий художник — философ, хочет он этого или не хочет. Нарратив Набокова в романе всегда безумно интересен, и это всегда богатая пища для ума — что в «Защите Лужина», что в «Приглашении на казнь» (кстати, очень кафкианская вещь!), что в других его крупных композициях, — но еще интереснее (и важнее, и пронзительнее!) его слово. Так, как Набоков работает со словом, мало кто работал в XX веке.

2. «Лолита». «Защита Лужина». «Дар».

3. Стихами Набокова мы зачитывались еще в Литинституте. Их подсовывал мне мой дед, пушкинист Михаил Еремин: «Вот почитай!.. это не хуже Бунина...» (опять Бунин...). Стихи Владимира Владимировича настолько находятся в русле классической русской поэзии (и поэтики Золотого века), что иные могут стать песнями, гимнами несчастных русских людей, вкусивших горький хлеб изгнания. Вот одна из таких печальных песен; на эти стихи музыки нет, а может, есть, — это одно из моих любимых стихотворений у В. В.

Будь со мной прозрачнее и проще:
у меня осталась ты одна.
Дом сожжен и вырублены рощи,
где моя туманилась весна,
где березы грезили и дятел
по стволу постукивал... В бою

безысходном друга я утратил,
 а потом и родину мою.
 И во сне я с призраками реял,
 наяву с блудницами блуждал,
 и в горах я вымыслы развеял,
 и в морях я песни растерял.
 А теперь о прошлом суждено мне
 тосковать у твоего огня.
 Будь нежней, будь искреннее. Помни,
 ты одна осталась у меня.

Что касается пьес, то я читала только две — «Человек из СССР» и «Изобретение Вальса». «Изобретение Вальса» — страшная вещь. Она напоминает одновременно и фантазмагории Булгакова, и жестокий театр Арто. В пьесах Набоков гораздо более человек XX века, нежели в прозе и в стихах. Он не боится глядеть в пустые глазницы времени-палача, прячущего за вежливой улыбкой грядущие гекатомбы. Его диалоги бьют без промаха. И рядом с великолепием сатиры встает призрак тотальной гибели. Ну, призрак этот, в окружении всех войн и революций, просто носился в воздухе, реял — со времен Первой мировой.

О «Лекциях по русской литературе» я знала давно, но руки (и глаза) у меня не доходили до чтения этих работ. Рада, что вы напомнили мне о них; и в ближайшее время постараюсь окунуться в эти тексты.

4. Очень точно это подмечено. Хотя в любом любовном союзе многое зависит и от возраста: от времени жизни, в котором двое встречаются. И — от уровня их духовности, от способности их духа работать и производить. Левин — в большой мере автопортрет Толстого. Толстой всю жизнь терзался от невозможности победить, побороть смерть. Смерть как великий, тотальный страх давила его, уничтожала. Женидьба и рождение детей для него были повинностью, тяжестью, но сладкой тяжестью — такой, которая хоть на минуту (на минуту земного бытия...) спасала от ужаса невозвратного ухода. И понятно, что Левин женится и потому, что влюблен в Кити, и потому, что жениться — НАДО, так же, как надо — для продолжения жизни вопреки смерти — возделывать землю. Поэтому женидьба — правильная вещь. И, как любое размышление, воплощенное в жизнь, такая женидьба метафизична.

Метафизика — это не только Толстой, Достоевский или Пастернак (и иже с ними). Это еще и миф. Это Библия. Это Новый Завет. Это любая Первокнига. Любой архетип. Это хромосома жизни, сопоставимая с временами, когда искра первого психизма возникла в допотопном камне или в живом ростке. Поэтому тот, кто скептически относится к ней, на самом деле трепещет ее. Не то чтобы боится. Но чувствует и понимает ее мощь. Отсюда и насмешка, и улыбка, и даже отрицание очевидного.

Что касается Анны и Вронского — то это наблюдение не только набоковское, о том, что лишь физика, горячая страсть их соединила, а охлажденная почти до энтропии — разъединила. Об этом говорили и писали многие. И мы, детьми, когда читали самый знаменитый в толстовские времена роман, тоже чувствовали это. Эту трагедию.

5. А откуда Евгений Замятин черпал знания и вдохновение, когда писал «Мы»? Откуда их черпали Хаксли и Оруэлл? И вообще все писатели, художники, которые превосходно видели ужас тоталитарного общества? Булгаков воочию видел и переживал, живя в России, то, о чем эмигрант мог только догадываться. Любовь к России у Набокова была — это точно — любовью к прошлой, ушедшей России: к той России, которой не было. «Той страны на карте нет, в пространстве — нет» (Марина Цветаева)...

6. Конечно, любая пальма первенства, выданная современниками, через времена теряет засохшие листья. Современность венчает на царство — будущее развенчивает. А порой и подтверждает гениальность, могучесть. Лучшие произведения русской литературы — у эмигрантов? А как же тогда быть с Михаилом Шолоховым, с Александром Серафимовичем, с Михаилом Булгаковым, с Анной Ахматовой, с Михаилом Зощенко, с Алексеем Толстым (правда, он чуть-чуть эмигрантом все-таки побыл и даже написал роман «Эмигранты»), с Михаилом Пришвиным и с целым созвездием имен советской литературы? XX век — советский XX век — дал России и миру великолепных, великих писателей. Причем они, невзирая на все страдания репрессий и войн, брали силу из родной земли, из бездонной Родины черпали. Марина Ивановна вон как по Родине тосковала. «Но если по дороге — куст / Встает, особенно — рябина...» Да, умирали! Да, шли на расстрел, как Гумилев, как Мандельштам, как Клюев в Томске! Но сила родной земли — это истина. Аксиома. Художник-эмигрант, оказавшись без нее, страдает и опустошается, хоть себе самому, гордый, в этом никогда не признается.

Всегда существовали официоз и андеграунд. А в России еще, в связи с бегством русских в другие страны после революции и Гражданской войны, образовались еще и две литературы: внутри границ СССР и вне этих границ. Думаю, время все поставило — и еще поставит — на свои места. Время — лакмус. Оно работает с вечностью. И с человеком. Какому человеку будут нужны — через века, через тысячелетия — романы Набокова? Ромен Роллан обронил однажды: «Музыка Моцарта все равно отомрет, а музыка Бетховена будет жить вечно». Абсурд? Фантастика? Личный домысел? Попытка долгосрочного прогноза? Мы не знаем, для кого будет жить в веках Владимир Набоков. Не беремся ничего прогнозировать. Мы видим: он живет здесь и сейчас, его читают, и это — главное.

Александр Ласкин, писатель, доктор культурологии (Санкт-Петербург)

1. Как ни смотри, это писатель самого первого ряда. Его место не только рядом с гениями XX века, но и рядом с вневременными Пушкиным, Толстым, Достоевским. Кстати, несмотря на запреты, влияние Набокова на литературу советского времени было достаточно сильным — отголоски его прозы мы находим и у В. Аксенова (например, в рассказе «Победа», где чуть ли не цитируется «Защита Лужина»), и у А. Битова (например, в «Уроках Армении», где упоминается Владимир Владимирович, — и просвещенный читатель сразу понимает, кто имеется в виду)... Подобных примеров можно привести много — к советскому читателю Набоков приходил через своих последователей. А уж когда это стало возможно, он стал влиять напрямую, во многом изменив прежние представления о литературной иерархии.

2. Для меня это «Дар», «Другие берега», «Защита Лужина». Впрочем, выбор может быть другим и включать «Машеньку», «Приглашение на казнь», «Король, дама, валет». Это слишком большой писатель для того, чтобы любить у него что-то одно. Набокова постоянно перечитываешь, а потому верх берет то одно, то другое его произведение.

3. Набоков во многом изменил шкалу ценностей в литературе. Единицей оценки стала не книга, даже не абзац, а фраза. Можно сказать, его проза выдерживает тот критерий, который применяется к поэзии... Хотя его пьесы и лирика интересуют меня меньше, чем романы и рассказы, но тут тоже достаточно прекрасных строчек, к которым хочется возвращаться. А уж в его статьях и лекциях (отдельно хочется выделить комментарий к «Евгению Онегину») этих строчек просто несметное количество.

4. Понятно, почему писатель «отдельной фразы» не воспринимал литературу «больших идей». Его методу, предполагающему медленное движение от строчки к строчке, вообще чуждо все грандиозное. Так что обижаться за Толстого (или Пастернака) не стоит. Просто это разные художественные миры. Что касается примера с «Анной Карениной», то мне бы не хотелось вдаваться в рассуждения о том, какая любовь предпочтительней, но, по сути, все именно так: Левин победил, а Анна проиграла.

5. Очевидно, что, написав о Мышкине, Набоков метил во всю ту же литературу «больших идей». Да и советская Россия его не устраивала именно с этой точки зрения — как страна грандиозных идей, призванных окончательно и бесповоротно решить вопросы, стоящие перед человечеством... Что касается источников, которые формировали его отношение к родине, то я бы назвал два. Счастливое детство и несчастная юность. Жизнь в имении и жизнь в Крыму, откуда он и его близкие покидали Россию. Может, несправедливо называть так обидчиков, но понять его можно — слишком много он потерял, уехав из страны.

6. Говоря о том, что Набоков пристрастен, надо не забывать о том, что практически все гении пристрастны. Сложно из них сделать учителей литературы, раздающих «всем сестрам по серьгам». Достаточно упомянуть Толстого, который говорил Чехову: «Шекспир писал плохо, а вы еще хуже». К тому же не следует забывать, что большая часть советской литературы при жизни Набокова не вышла за пределы письменных столов, а потому он не мог ее знать. Удивляться приходится другому — тому, что он по справедливости оценил Ильфа и Петрова, Твардовского, Бабеля, Сашу Соколова... Кстати, в письме Берберовой весной 1930 года Набоков пишет, что ««советской» я называю только литературу заказную». Думаю, это очень трезвая позиция. Она обозначает, что нет отдельных литератур эмиграции и метрополии, а есть настоящая литература — и литература, руководствующаяся внелитературными соображениями.

Елена Невзглядова, поэт, литературовед (Санкт-Петербург)

1. Я познакомилась с прозой Набокова задолго до того, как ее стали публиковать в России. И теперь, как и тогда, я считаю, что в русской литературе XX века прозаик Набоков занимает видное место в первом ряду. Я думаю, что роман «Дар» — один из лучших романов мировой литературы.

(Что такое «эстетический гуру», я не очень понимаю. Почему именно эстетический? Если имеется в виду стиль, то скорее уж Хемингуэй, которым мы также увлекались в 60-е годы, был для молодых писателей мэтром, ему легко было подражать, так как его стилистика опиралась на очевидный прием — подтекст, знаменитый «айсберг». Разве может быть произведение прекрасным с эстетической точки зрения и, скажем, средним с какой-то другой, содержательной, что ли?)

2. «Дар», «Пнин», «Лолита». К этим романам примыкает и «Защита Лужина», тоже прекрасный роман.

3. Лирика Набокова очень сильно уступает его прозе, о которой — в лучших произведениях — можно сказать, что это поэзия. Поэзия, но не лирика. Поэтический взгляд на мир отличает Набокова от других великих прозаиков и сближает его, с одной стороны, с Гоголем (о котором им сказано, что это поэт), а с другой — с Чеховым.

Кроме названных романов, мне хочется сказать о замечательных рассказах Набокова, написанных по-английски и переведенных сравнительно недавно: «Ассистент режиссера», «Сестрицы Вейн», «Забытый поэт», «Знаки и символы», «Образец разгово-

ра. 1945». Эти рассказы характеризуют Набокова с малоизвестной стороны: в них он человечен и лиричен.

Его лекции о литературе для нас, я думаю, не слишком интересны просто потому, что они адресованы «ущербному» читателю, не знающему русского языка и далекому от русской литературы. Подозреваю, что к девушкам колледжа, где он преподавал, он относился вполне снисходительно.

4. Думаю, что не сами «большие идеи» отталкивали Набокова, а то, что слишком часто они губят ткань прозы, засушивают язык, подминают под себя людей и обстоятельства. Кроме того, идеи — это нечто противопоставленное мысли прозаического текста. Они мешают мысли. Мысль — это то, что должно быть в каждой фразе, чему фраза подчиняется, а идеи подчиняют себе независимость мысли и непредсказуемость фразы. Из этого противоречия, кажется, выходил с честью лишь Толстой и, может быть, Томас Манн. Я имею в виду «большие идеи», которые довлеют себе и слишком легко отделяются от художественного повествования. Набоков не мог ценить Достоевского (Толстой в «Дневнике» удивлялся «неряшеству» Достоевского, читая «Братьев Карамазовых») и точно так же роман Пастернака «Доктор Живаго» именно потому, что повествование слишком очевидно обслуживает «большие идеи» в ущерб художественному смыслу. Не могу с этим мнением не согласиться.

Что касается разделения любви на метафизическую и физическую, то это мне кажется странным. Любовь — это любовь. Левин был влюблен в Кити, и это давало ему духовный подъем, что совершенно естественно. А Вронский стрелялся, когда Анна лежала в родильной горячке, — неужели из-за «плотской» любви? Вероятно, Набоков все упрощал для своего «упрощенного» слушателя. Но, конечно, характер любви различен у этих персонажей, он вообще зависит от личности человека, да и от обстоятельств тоже.

5. Насчет наследника князя Мышкина в зощенковских рассказах — замечание очень остроумное. Это шутка, но она не лишена оснований. В самом деле, Мышкин — фигура картонная, и на каждой странице «Идиота» удивляешься тому, что он покорно и бессловесно выслушивает разных мелких людишек, выворачивающих перед ним свои внутренности. Чем, если не глупостью, это можно объяснить? Что касается «типа бодрого дебила, живущего на задворках полицейского тоталитарного государства», то он в самом деле существовал, как и сами задворки тоталитаризма, гениально изображенные Зощенко, великим писателем (Мандельштам говорил, что Зощенко надо поставить памятник в Москве или Петербурге).

И «улыбающихся рабов», и «тупоумных громил» мы, дети СССР, тоже знаем. Конечно, эти высказывания Набокова — не плод глубокого изучения советской России, а эмоциональная реакция на те сведения, которые до него от нас все же доходили.

6. Нет, лучшие произведения современной русской литературы созданы не эмигрантами, а как раз советскими писателями: Булгаковым, Катаевым, Кавериним, Домбровским, Трифоновым... Интересно, что официально признанные писатели оказались гораздо интересней и значительней, чем андеграунд. Например, Валерий Попов, Андрей Битов, Петрушевская, которую запрещали, запрещали, а все-таки признали еще в глухие советские времена, до перестройки. Не все так просто. Мне, бывшему редактору, запомнились случаи, когда цензура заставляла править текст не только без ущерба для качества, а даже наоборот («церквуху» приходилось заменять на «сараяху» в рассказе Попова, слово Бог — на слово «дождь» в стихах Кушнера, и это не ухудшало текст, а улучшало почему-то... Потому что не прямое высказывание более искусно, чем прямое). Таланту было в самом деле трудно пробиться, но это заставляло его мужать и совершенствоваться, брать барьеры. Я с удовольствием перечитываю Катаева (не говоря уж о Булгакове и Трифонове), но не стану перечитывать, например, Бориса Зайцева, которого ценил такой замечательный критик, как Г. Адамович.

Алексей Пурин, поэт (Санкт-Петербург)

1. По понятным причинам я прочитал произведения Набокова существенно позже книг его советских «соплатников»: Бабеля, Зощенко, Ильфа—Петрова, Булгакова, Платонова, Катаева... Поэтому (или не поэтому) он кажется мне куда более современным и актуальным, чем они. (А Бунин, например, на его фоне — XIX век прямо. Как и Курприн, как и А. Н. Толстой...)

2. «Дар», «Лолита», «Пнин».

3. Его стихи — не идущие, конечно, в сравнение с его прозой — все же весьма недурны сами по себе, а главное — объясняют многое и в природе его писательского дара, и в сюжетном строении его прозаических произведений.

Драматургия его мне не очень интересна (возможно, как и почти любая другая — Иосифа Бродского, например).

Лекции о литературе, по-моему, грешат излишней броскостью и парадоксальностью. Да и, помнится, некоторые поручал прочесть Вере Евсеевне (а романы писал все-таки сам).

Замечателен комментарий к «Евгению Онегину» — как именно художественное сочинение.

Хороши довоенные рецензии, громящие всяческую псевдопоэзию — к примеру, стихи Поплавского с их безобразной рифмовкой и наплевательским содержанием.

4. Мне кажется, в этом конкретном случае противоречия нет. «Большие идеи» — это что-то из Михайловского, М. Горького, Мережковского, сочинителей, от настоящей метафизики весьма далеких и ей враждебных. Хождение в народ, босячество или богоискательство в трехместном алькове — это не метафизика, а что-то другое.

Но иногда, разумеется, Набоков и хулиганит — ожидая молодца, готового трахнуть молотком по «гипсовому кубу» Томаса Манна, или говоря об «искусстве с человеческим содержанием» применительно к «спектаклям» с хищниками и христианами на римских аренах. Но эпатаж этот точно дозирован.

5. Ну вот из Зощенко, из «Двенадцати стульев», из советской литературы, из газет — скажем, из статей о московских процессах... Но ведь в целом точно. Ильф в «Записных книжках» писал о «стране непуганых идиотов». В рассказе «Посещение музея» Набоковым гениально угадано, что СССР — это театр. Его взгляд на советскую Россию на редкость трезв.

6. Это, конечно, не так. Но сказано ведь тогда, когда общая картина была еще не ясна. И сказано чересчур пристрастно. Если о поэзии, то совсем неверно. Да и о прозе тоже. Вряд ли Борис Зайцев или Иван Шмелев нравились ему больше «Золотого теленка». Если имел в виду свою прозу, то тогда — да, прав.

Во всяком случае в андеграундных машинописях и в эмигрантских изданиях низкокачественной ерунды не меньше, чем в подцензурных советских книжках. А то и больше.

Алексей Семкин, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)

1. Я присоединяюсь к мнению А. И. Солженицына: «Пользуюсь случаем выразить Вам и свое восхищение огромностью и тонкостью Вашего таланта, несравненного даже по масштабам русской литературы, и свое глубокое огорчение, даже укоризну, что этот великий талант Вы не поставили на служение нашей горькой несчастной судьбе, нашей затемненной и исковерканной истории». Вот именно — значение его творчества

огромно, но оно вне времени, вне того долга, который воодушевлял на служение русского писателя в классическую эпоху. Так что именно поверх барьеров на него только и можно смотреть. Даже в «Истреблении тиранов» в центре его внимания скорее эстетика и тайная жизнь человеческой души.

Что же до заслуг именно творческих, место Набокова в русской литературе XX века, мне кажется, между Буниным и Булгаковым, к которым он очень близок (может быть, это субъективно): к одному — поэтическим мастерством, к другому — энергией и смелостью.

2. «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар».

3. Наиболее интересен, мне лично, кроме прозы, комментарий к «Евгению Онегину».

4. Всему причиной категоричность Набокова и его стремление просто и здраво объяснить и задачи искусства, и загадки человеческой психики и т. д. и т. п. При этом Набоков как писатель предельно честен со своим собеседником. Естественно, концы с концами не сходятся.

5. Набоков считал Зошенко и дуэт Ильфа—Петрова самыми интересными явлениями в советской литературе — вероятно, потому, что их произведения наилучшим образом вписывались в его картину мира. И трактовал он творчество их так, чтобы подтвердить справедливость этой картины мира. Отсюда перегибы, натяжки, поверхностность, хлесткая и однобокая оценка разнообразного и сложного.

6. Нисколько не убедительно. Эмигрантская литература — крохотная часть литературы русской в целом. Хотя и важная, и интересная.

Михаил Стригин, философ, писатель (Челябинск)

1—6. Гениев невозможно оценивать, подходя к ним со стандартными человеческими нормами и суждениями. Гении работают в безвоздушном пространстве, там, где еще не выстроена семантика. По крайней мере, до тех пор, пока атмосфера смыслов не поднимется до их уровня. Владимир Набоков — гений бесспорно. И, на мой взгляд, его произведения до сих пор находятся на орбите, далеко отстоящей от планеты стандартных смыслов. И для настоящего гения оценка социума вторична, поэтому место, где он творит, также неважно. Ему нужны стол, стул, бумага и ручка.

Поскольку я сам пишу, то мне важно овладеть разными литературными приемами и закрепиться в нескольких точках. Подобно тому, как для устойчивости стулу необходимо четыре ноги. И чтение менее высокой литературы для такого закрепления необходимо. Это я к тому, что приходится читать произведения разного уровня, и я, к сожалению, прочитал у Владимира Набокова всего три вещи, и они все гениальны: «Приглашение на казнь», «Лолита» и «Защита Лужина».

В каком-то смысле переломным для меня был роман «Приглашение на казнь». С него началась моя первая научная статья по философии «Метафора — шифр бытия». Однажды, когда я мыл посуду и размышлял о метафизике и трансцендентном состоянии, пришло понимание, что это произведение не о человеке, который мучительно ожидает смертную казнь, а о человеке, который соприкоснулся с трансцендентным и теперь с нетерпением ждет момента, когда он покинет свою тюрьму под названием жизнь, и вырвется из плена условностей, навязанных социумом, и обретет настоящую свободу. Каждое соприкосновение с социумом для Цинцинната болезненно и абсурдно. Жизнь метафорично сравнивается с камерой. Камера, в которой жил герой, олицетворяет все мыслимые и немыслимые ужасы, изобретенные не кем иным, как социумом. Тем не менее, обладая талантом поэта, герой умел прикоснуться к непостижимому, к метафизическому. Автор тонко отразил мысль о том, насколько обычный человеческий

язык слабо и несовершенно может передать ощущения от соприкосновения с несказуемым, с непостижимым. Герой, выпадая из состояния трансценденции, которое само по себе близко к экстатическому, ощущал лишь отголоски такового. И потому неудивительно его невольное желание приблизить день казни. Это произведение — смесь поэзии и прозы, и чего в нем больше, трудно сказать однозначно.

Проблема метафизики очень сложна, в том плане, что если обычный человек смотрит на нее снизу вверх, то гений чаще смотрит сверху вниз, поскольку он уже находится в метафизике. И поэтому он может не замечать ее. Но только он входит в состояние трансцендирования, как она уносит его естественным образом. Еще более сложно одному гению оценивать другого, поскольку они находятся в разных семантических координатах и сложно сопоставимы друг с другом. Возможно, в будущем появится семантика, связующая эти две оторванные друг от друга области смыслов. Кстати, роман «Доктор Живаго», упомянутый в вопросах редакции, гениален в квадрате, поскольку помимо новых смыслов, данных в нем, он написан языком, адаптированным под универсального читателя. Метафизика в нем присутствует бесспорно. Что касается вопроса судеб Левина и Вронского, то они целиком на совести демиурга — метафизика и физика переплетены в едином контексте, и как метафизика может свалиться до физики, так и физика может возвыситься до метафизики. И Толстой, конечно же, мог найти метафизический итог для Анны. При этом он сам говорил, что Анна бросилась под поезд помимо его воли. А кто-то именно такой итог найдет метафизичным.

На пятый и шестой вопросы можно ответить единым образом. Конечно, для того, чтобы творить, гению нужны только стол и стул. Но от места, где они размещаются, зависит его взгляд на жизнь. Горожанин будет хаять сельского жителя, и, наоборот, фермер не очень хорошо относится к жителю города. Это неминуемо. И этот конфликт порождается, во-первых, непониманием, во-вторых, обидой. А обида на инакомыслие у человека заложена априори. Плюс интуитивное ощущение, что на родине было бы лучше, также заложено в архетипе человека, и он не может экзистенциально простить универсуму эту оторванность от места, где он родился.

И такая обида просматривается у множества авторов помимо Владимира Набокова, у Михаила Шишкина, у Иосифа Бродского. Но эту обиду можно рассматривать и как толчок к выплеску пассионарной энергии и возможности творить.

И как несложно догадаться, «страной моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил» можно назвать абсолютно любую страну в зависимости от контекста. Михаил Задорнов приблизительно такие же эпитеты отвешивал в адрес Америки. А два лучших, на мой взгляд, российских произведения XX века «Мастер и Маргарита» и «Доктор Живаго» написаны не эмигрантами.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*